

В. И. Красиков

НАСИЛИЕ
В ЭВОЛЮЦИИ,
истории и современном
обществе

DirectMEDIA

Владимир Краси́ков

**Насилие в эволюции, истории
и современном обществе**

«Директ-Медиа»

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

Красиков В. И.

Насилие в эволюции, истории и современном обществе /
В. И. Красиков — «Директ-Медиа»,

В книге предпринята попытка рассмотрения насилия как универсального феномена, свойственного жизни как таковой и имманентной составляющей человеческой истории. Использован и обобщен обширный междисциплинарный материал, на этой основе вниманию читателей предложен ряд авторских концепций, описывающих особенности насилия в разных сферах живого и социума, раскрывающих взаимосвязь развития сознания и насилия, специфику терроризма, соотношение терпимости, ненасилия и насилия. Книга адресована широкому кругу специалистов из разных областей знания, озабоченных обозначенными проблемами, равно как и людям, не имеющим специальной подготовки, но не равнодушных к темам книги.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Красиков В. И.
© Директ-Медиа

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ОЧЕРК 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Красиков

Насилие в эволюции, истории и современном обществе

ВВЕДЕНИЕ

Некоторое время после окончания холодной войны многие полагали, что прежняя насильственная история завершена и нам стоит лишь определиться с тем, как может быть развита демократия в тех странах, где она находится еще в зачаточном состоянии. Сентябрь 2001 показал нам, насколько мы заблуждались относительно возможного завершения истории насилия. Оказалось иллюзией, что великие несчастья XX века, такие как мировые войны и тоталитаризм, смогут заставить людей оставить политику насилия. На деле начался новый настоящий ренессанс политического насилия как нормы существования. Это весьма опасно, т. к. люди вновь начинают привыкать к повседневности насилия: ведь хорошо известно, что мировые войны предуготовлялись локальными конфликтами и опривычиванием насилия. Эти сообщения актуализируют обсуждение проблемы насилия как феномена жизни и человеческого существования.

Проблема насилия обладает явственно междисциплинарным статусом. Это объяснимо тем, что насилие является тотальным феноменом жизни и человеческого общества. Соответственно, те науки, которые исследуют биологические и социальные проявления жизни, сталкиваются с проблемой насилия, решая ее в плоскости своих предметных интересов. Неудивительно, что предлагаются часто противоречащие друг другу решения и понимания.

Вместе с тем наличие богатого междисциплинарного материала делает возможным философские концептуализации и синтезы.

Предлагаемая читателям монография явилась результатом трехгодичной работы над исследовательским проектом (2007-2009 гг.), поддержанным РФФИ.

Мои слова благодарности всем людям, без помощи и поддержки которых было бы невозможным появление этой книги.

ОЧЕРК 1

НАСИЛИЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНЦЕПТ

Конец XX – начало XXI вв. характеризуемо взрывом центростремительных тенденций в развитии наук, междисциплинарные исследования становятся нормой научной практики. Осваивая материал, я столкнулся с удивительным явлением сильного сходства теоретических моделей и выводов в отношении агрессии и насилия у дисциплин, позиционирующих себя как отличные: этология животных и человека, социобиология, биополитика, психогенетика, нейрофизиология, сравнительная и эволюционная психология, культурная антропология и др. Конечно, эмпирия и соответствующий ей категориальный аппарат у них отличны, однако в отношении общих подходов и теоретических схем наблюдаются знаменательные совпадения. По-видимому, это объяснимо как сравнительной методологической и теоретической молодостью этих междисциплинарных новообразований, так и соответствующим сильным влиянием на них, в силу «гуманитарной специфики» их предмета (человеческое поведение), таких зрелых дисциплин, как философия и психология в их классических ипостасях. Имманентная гуманитаризация естественнонаучных дисциплин делает возможным, уместным и увлекательным предлагаемое исследование насилия в разных сферах его проявления – от исходных начал живого вплоть до его утонченных изошренных ментальных форм. Попытаемся рассмотреть основные подходы, имеющиеся в разных дисциплинах, с тем чтобы наметить контуры их согласования в единую теоретическую последовательность.

Перво-наперво определимся с его различием с часто употребляющимся синонимично понятием «агрессии». Для этого сопоставим основные модели агрессии в комплексе биологических и социально-психологических наук, главным образом, т. е. специализированно-категориально, имеющих дело с этим явлением.

Бросается в глаза и представляется очевидным, что насилие – в принципе несамостоятельное явление, включенное в более универсальный феномен «агрессии». Насилие всегда составляет фрагмент агрессивного поведения, агрессивных действий, потому понять его невозможно вне осознания специфики его контекста. Нет насилия без агрессии, как и обратное (насилие не обязательно только «физично»). Соответственно, и в дальнейшем, после понятийных разграничений, «голое» насилие всегда будет рассматриваться каждый раз в обрамлении, «одеждах», контексте тех или иных разновидностей агрессии. Агрессия же, или шире – агонистическое поведение (включающее, наряду с агрессией, еще и бегство), связана, в свою очередь, с более широким поведенческим комплексом живых организмов, куда она включается как имманентная сторона, наряду с такой же постоянной стороной сотрудничества и кооперации.

Имеющиеся в биологических и психологических дисциплинах модели агрессии у животных и особенно у человека можно классифицировать по одному, фундаментальному критерию «степени врожденности». Существуют две влиятельные традиции альтернативных решений данного вопроса: ученые, постулирующие решительное преобладание наследуемости агрессивного поведения и небольших корректирующих возможностей условий окружающей среды, и мыслители, придерживающиеся мнения о доминировании прижизненных средовых, социокультурных и психологических факторов в формировании агрессии при относительно небольшой физиолого-инстинктивной составляющей. Как всегда, между четкими внятыми позициями «или – или» располагается группа колеблющихся «диалектиков», пытающихся нащупать золотую середину.

Тезис о врожденности агрессии-насилия у людей пытаются научно обосновать Ч. Ломброзо во второй половине XIX в. и З. Фрейд в начале XX в. Влияние обоих на последующие его судьбы, однако, различно. Ломброзо был и остается в памяти потомков скорее как популярный ученый-литератор, склонный к поспешным эпатажным выводам, поверхностный собиратель исторических анекдотов для подтверждения своих постулатов. Ученый мир никогда особенно и не прислушивался к Ломброзо, являвшемуся скорее пример неумного тщеславия. Иное дело Фрейд. Как к нему ни относиться (он также любил литераторствовать и философствовать), он продуцировал много интересных и глубоких идей, оказывающих по сей день серьезное влияние на умы, занятые в самых разнообразных сферах деятельности.

Фрейд долгое время отвергал гипотезу о самостоятельном «влечении к агрессии», высказанную Адлером уже в 1908 году, и лишь в начале 20-х гг. XX в. признал танатальное влечение в качестве важнейшего компонента организации инстинктивной психической жизни, противостоящего сексуальному. Человек исходно испорчен, эта червоточина – инстинкт к смерти: стремление к саморазрушению, садомазохизм, скорбь, меланхолия, а также разрушение, направленное на других людей.¹ Врожденная агрессивность, таким образом, трактуется Фрейдом явно этизованно: это темная, ночная сторона, что приносит неуместный оценочный характер («порча» чего и кем?). Имея дело только с наблюдениями, беседами с пациентами психиатрических лечебниц, Фрейд получал специфические эмпирические данные. Мышление, фантазии и переживания невротиков и легли в основание сконструированной Фрейдом своей особой нарративно-мифологической реальности, где, как и в философии, открывалось большое поле для метафизических спекуляций (Эдипов комплекс, зависть к пенису, Эрос и Танатос и пр.). Поэтому модель агрессии Фрейда – это скорее абстрактно-этическая риторика.

Лишь развитие этологических дисциплин в середине XX в. принесло реальный эмпирический материал, который позволил создать действительные теоретические обобщения относительно агрессии как общих врожденных механизмов у животных и человека. Речь идет о К. Лоренце и его последователях (социобиологи), которые и создали основы современных научно-биологических интерпретаций агрессии. Лоренц определил прежде всего сам термин «врожденности»: это то поведение, которое не может быть устранено или же серьезно модифицировано, сколь бы значительным ни было средовое воздействие.² Другой важнейший постулат Лоренца: агрессия как борьба за выживание и воспроизведение идет главным образом между особями одного вида. Самое же существенное в понимании агрессии Лоренцем – это определение ее через понятие «побуждение», внутреннюю, имманентную для организма «энергию». Здесь Лоренц, вероятно, испытал влияние Фрейда с его гидравлической моделью сексуальности – он также применил подобный подход и к интерпретации агрессивности: имеется некий внутренний «резервуар» постоянно генерируемой организмом «агрессивной энергии», равно как и собственные врожденные пусковые механизмы. Если нормально-естественный выброс агрессии тормозится внешними обстоятельствами, то снижается порог соответствующего поведения, и достаточно небольшого побудительного импульса для того, чтобы произошел взрыв агрессии. Гидравлическая модель агрессивности – наиболее уязвимое место в концепции Лоренца. Вместе с тем именно он создал основы исторически следующей модели агрессивности как наследуемого комплекса признаков, показав ее эволюционную значимость: эффективная утилизация ресурсов территорий, половой отбор сильнейших и средство установления, поддержания иерархий.

Третий вариант, уже скорее «мягкого», генетического детерминизма в объяснении агрессии, разработан в современной синтетической теории под названием «эволюционная психоло-

¹ Лапланж Ж. Ж., Понталис Ж. – Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. С. 43-47.

² Стивенсон Л. Эволюционная психология: Лоренц об агрессии. <http://ethology.ru/library/?id=230>.

гия».³ Ее суть: у людей, как и у любых других животных, есть сформировавшиеся в ходе эволюции поведенческие предрасположенности, которые суть результат многопоколенных адаптаций.⁴

Важнейшее отличие эволюционно-психологических интерпретаций «агрессивности» от многозначного лоренцовского «побуждения» – артикуляция того, *что* передается. Агрессивность – одна из важнейших человеческих этограмм, набор типичных для вида программ поведения, имеющих общую адаптивную функцию и свойство накапливаться в поведенческом репертуаре. Будучи именно «программой», а не просто вырабатываемой «энергией», агрессивность включает в себя свои собственные механизмы, варьирующие силу проявления в зависимости от наличных средовых условий.

Негенетические теории агрессии характерны прежде всего для психологов (Фрейд и классический психоанализ здесь скорее исключение) и социальных мыслителей. Общим является понимание агрессивного поведения как в основном производного либо от «психоистории» индивида, либо от социокультурных воздействий. Представляется, что здесь можно говорить о 4 моделях.

Так, абстрактные модели социально-психологических объяснений сформулированы философствующими представителями второй волны психоанализа (Э. Фромм) и культурными антропологами (Ф. Боас, М. Мид, М. Д. Херсковиц).

Спекулятивно-метафизическая модель агрессивности у Фромма продолжает традиции фрейдистского «мифологического теоретизирования» – создания идеологически привлекательных (гуманизм), но эмпирически не подтверждаемых концепций. Основной тезис Фромма: большинство людей от природы предрасположены к добру, к сохранению и культивированию жизни. Они – биофилы, стремление к жизни преобладает у них над стремлением к смерти и агрессивность у них имеет «доброкачественный характер», т. е. они если и совершают акты агрессии, то в ответ на причиненный ущерб, зло со стороны других. Тогда почему же находятся те другие, кто причиняет зло? Фромм отвечает на этот вопрос двояко: во-первых, всегда есть небольшое количество генетических аномалий среди людей – некрофилов, по сути не-гуманоидов, одержимых беспричинной злобой и желанием разрушать всё живое (садисты, маньяки, диктаторы и пр.); во-вторых, и это главное, общество, несправедливые социальные порядки ожесточают людей, иссушают их изначально любвеобильную природу. История совратила человека, – делает неутешительный вывод Фромм, – потому-то он и допускает к власти над собой некрофилов.

Представители культурного релятивизма (Ф. Боас, М. Мид, М. Д. Херсковиц) придерживаются сходного мнения: культура, являясь исходной (видовой) средой обитания, приобретает самостоятельную, надындивидуальную, эволюционно-историческую формирующую роль – своего рода функцию «мирового разума» Гегеля. Являясь средним вектором сложения миллионов, миллиардов действий, поступков, побуждений, целей и мыслей разных социальных единиц, она (культура) обретает собственную жизнь, собственные законы, которые затем управляют людьми, когда-то создавшими ее, изменяет пластичную природу человека. Так, М. Мид, прожившая долгое время среди разных народностей Самоа и Новой Гвинеи, приводит примеры⁵ двух совершенно разных жизненных стилей народов, живущих практически в сходных условиях, но имеющих качественно отличные стили поведения – коллективистско-альтруистический и индивидуалистскоагрессивный. Потому каннибализм, кровавые человеческие жертвоприношения, геноцид, диктатуры имели каждый раз резонное, культурно-прагматиче-

³ Этология + социобиология + эволюционная теория + когнитивная наука. Dunbar, R. (1996). Grooming, gossip, and the evolution of language. Cambridge, MA: Harvard University Press; I. Eibl-Eibesfeldt (1998), & E. K. Salter, (Eds.), Indocibility, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives. New York: Berghahn Books.

⁴ Палмер Д. и Л. Эволюционная психология. <http://ethology.ru/persons/?id=33>.

⁵ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1988.

ское происхождение и обоснование, – вторит Мид М. Д. Херсковиц. Нет ничего предопределенного – так уж получилось в реальной динамике культурного развития, и ценностные суждения здесь просто неуместны.

В психологических науках главенствуют две модели негенетического объяснения человеческой агрессивности: фрустрации и научения. Общее между ними в том, что, во-первых, они считают агрессию и насилие следствием прежде всего внутренних, а значит лишь индивидуальных, душевных процессов, которые детерминируют социальное поведение; и, во-вторых, хотя агрессия и насилие «субъективны», они отнюдь не самостоятельны, не самородны, напротив, представляют собой лишь ответные реакции, акты приспособления к неблагоприятным внешним обстоятельствам.

Теории фрустрации⁶ рассматривают агрессию как побуждение, но не врожденное (накапливающаяся энергия), а в виде реакции на какую-либо депривацию организма или блокировку его отдельных побуждений. Неудовлетворенность, негативное раздражение порождают различные модели поведения, и агрессия является одной из них. Снятие блокировки, освобождение от гнета лишенности позитивны, потому-то агрессивные акты зачастую дают катарсический эффект. Существуют как внешние посылы к агрессии в виде средовых стимулов, связанных с актуальными или предшествующими факторами,⁷ так и внутренние – как возбуждения, раздражения симпатической нервной системы: учащения пульса, повышения потоотделения и артериального давления. Таким образом, хотя и нет врожденной предрасположенности к агрессии, однако фрустрирующие условия невозможно устранить и, тем самым, всегда есть неиссякаемый источник агрессивных посылов.

Прежний опыт агрессии приводит, в свою очередь, к образованию новых когнитивных связей в виде паттернов агрессивного поведения, которые уже потом могут автоматически, и не всегда адекватно, включаться в ответ на вновь возникающие провоцирующие посылы среды, пусть и незначительной силы.

Теории социального научения⁸ утверждают, что агрессия – специальное социальное поведение, которое усваивается и поддерживается. Агрессия как метод решения своих проблем, завоевания и удержания своего статуса в самых разных ситуациях представляет собой сложный поведенческий комплекс, включающий в себя как «техническую»,⁹ так и «ментальную»¹⁰ стороны. Агрессии, таким образом, научаются через стимулы (поощрение, социальное одобрение и статус) и через наблюдение (викарное обучение).

Третья группа моделей агрессии представляет собой попытки компромисса между генетическим и психическим (социокультурным) детерминизмами. Как правило, это построения разной степени эклектичности, принадлежащие специалистам-нетеоретикам, пытающимся выработать свое понимание агрессивности для решения своих конкретных дисциплинарных задач. Вместе с тем в их работах часто можно встретить интересные разработки, отталкивающиеся от конкретного опыта. Так, кинологи,¹¹ сопоставив имеющиеся классические подходы с наблюдениями агрессивности собак, пришли к выводу, что агрессия – *неспецифическая*, в ряде случаев вспомогательная мотивация, обслуживающая потребности организма в сочетании со

⁶ Berkowitz, L. (1969) Roots of aggression. New York: Atherton Press; Zillmann, D. (1979) Hostility and aggression. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

⁷ Позитивно либо негативно подкрепленные опыты предшествующих попыток агрессии, персонификаторы агрессии – виктимные особи.

⁸ Bandura, A. (1973). Aggression: A social learning analysis. Englewood, Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

⁹ Обращение с оружием, приемы борьбы, знание ненормативной лексики и пр.

¹⁰ Знание когда, где, с кем, до каких пределов «уместна» агрессия, калькуляция баланса ее позитивных и негативных для субъекта последствий.

¹¹ Сотская М., Беленький В., Журавлев Ю., Мычко Е. Агрессия // Поведение собаки. М., 2003. <http://ethology.ru/library/?id=134>

специфическими мотивациями, удовлетворяющими специфические потребности (голод, сон, размножение и пр.).

Таким образом, модели объяснения агрессивности у животных и человека располагаются вокруг водораздела таких ее характеристик, как «врожденное (ригидность) – благоприобретаемое (пластичность)». Это генетические модели – инстинкта к смерти (Фрейд), агрессивной энергии (Лоренц), эволюционная человеческая этограмма (социобиология, эволюционная психология) – и негенетические модели – социально-исторического извращения (Фромм), культурного артефакта (культурный релятивизм), фрустрации (Беркович, Зильманн), научения (Бандура).

Сопоставление двух ключевых подходов в понимании агрессии, генетического и негенетического, подталкивает непредубежденных исследователей – а это, как правило, не теоретики, а именно практики – всё же к компромиссному варианту как более предпочтительному. И не только по резону преимуществ «золотой середины», которую на самом деле почти нереально обрести без невольных перекосов в ту или иную сторону. Очевидны явные методологические недостатки обоих подходов.

Этологический и эволюционный подходы по определению телеологичны и холистичны. Другими словами, здесь изначально как бы заданы надындивидуальные, видовые «цели» (выживание для успешной передачи своих генов далее), которым, в конечном счете, подчиняется большинство живых существ. Это верно, но опять-таки «в конечном счете». Этологи и эволюционисты похожи на экономический материалистов, везде видевших свой последний фактор. Но человек, не будучи, конечно, способным жить вне удовлетворения своих материальных потребностей, всё же не живет ими – они лишь средства для жизни, ценной самой по себе. Также агрессия у животных и человека – тоже более средство, неспецифическое поведение, которое в ряде случаев обеспечивает успех в действительно специфичных формах поведения: питании, размножении, гедонизме (наслаждении жизнью от успешности, любознательности, комфорта и т. п.). Тяга к холизму, объяснению поведения индивидов через целое, видовые паттерны, а то и абстрактную «эволюцию», приводит к забвению индивидуального фактора жизни, проявляющегося в инстинкте самосохранения и в стремлении к гедонизму. Живое существо – не просто видовым образом запрограммированное зомби и звено сконструированной спекулятивными умами грандиозной цепочки эволюции, озабоченное лишь успешной дубликацией своих генов. Не следует забывать, что инстинкту размножения противостоит, уравновешивая, ограничивая его с разной степенью успешности, инстинкт индивидуального самосохранения, который всегда индивидуализирован. Появление общества, культуры значительно усложняет картину, написанную лишь при помощи эволюционных принципов, и совсем уже запутывает дело автономизация духовной жизни.

Негенетический подход к агрессии представлен психологией и гуманитарными дисциплинами, потому объяснение агрессивности заведомо ограничивается человеком. Конечно, человеческая агрессия качественно обособляется от животной по справедливому резону «сознания». Но тем самым теряется и преемственность, что находит свое выражение в «вытравливании» из человека «биологического», «наследственного». ¹² И если физиологически темпераменты признаются всё же врожденными, то поведение формируется на границах взаимодействия социальных условий и психоистории данного индивида. Влияние на поведение, в том числе и агрессивность, видовых паттернов *homo sapiens*, их очевидная связь с предшествующими этограммами ближайших видов игнорируется. Антропологи же и социальные мысли-

¹² Уильям Джеймс говорил: у нас больше инстинктов, чем у животных. Однако эти новые инстинкты (обработка информации, структурирование сознания и т. п.) работают столь качественно, что трудно почувствовать их действие или вообще поверить в их существование. Это «человеческая слепота к инстинктам».

тели довершают дело человеческой гордыни подменой биологической эволюции на столь же спекулятивную «культуру» (коллективный разум, история и пр.).

Однако как правы эволюционисты в прослеживании корней человеческой агрессивности в глубинах живого, так правы и их оппоненты в том отношении, что говорят о новом качестве человеческой агрессивности.

Теперь попытаемся содержательно развести понятия «агрессивности», «агрессии» и «насилия». Агрессивность, помимо того, что имеет характер определенного «блока» видовой этограммы, может выступать и неспецифической характеристикой, являясь и одним из признаков повышенной жизнестойкости в рамках средней нормы видовой агрессивности, показателем высокого тонуса самоутверждения и самоуверенности.

Агрессия вообще, как таковая – это активность самоутверждения, направленная на перераспределение ресурсов, возможностей контроля в рамках индивидуального либо группового носителя того или иного *Lebenswelt*.¹³

Учитывая эти моменты, человеческую агрессию можно определить как постоянные, с разной степенью успешности, попытки достижения контроля над доступной индивиду или группе ситуацией, с соответствующим стремлением ограничения других сил, претендующих на те же жизненные ресурсы, как условие собственного самоутверждения (благоденствия). В известных условиях, успешно закрепляющих именно агрессивность проявлений жизненности высокотонусных особей, агрессия способна приобретать вид самостоятельных паттернов поведения, что, вероятно, и послужило основанием для придания ей статуса оригинального врожденного побуждения.

Насилие неотъемлемо от агрессии, являясь *фазой ее эскалации*. Насилие не существует вне агрессии, и наоборот. Даже если агрессия заканчивается лишь демонстрацией, то и в этом случае здесь присутствует насилие в виде успешного психического *подавления*, сделавшего ненужным подавление физическое. Насилие – фаза в развертывании агрессивного поведения (в том, конечно, случае, если оно «разворачивается»).

Насилие – непосредственное, физическое или психическое, противоборство, принуждающее взаимодействие, прямой либо дистантный контакт между основными участниками сибики тел и воли. В нем, в итоге меряния силами (физическими или же волевыми), устанавливаются отношения «господства-подчинения».

Понятно, что речь идет прежде всего о внутривидовой, по преимуществу межсамцовой агрессии у животных и человека (иерархической, половой, территориальной), где есть именно состязание сил, и в определенной мере – о межвидовой агрессии сопоставимых по размерам и *Lebenswelt* особей, т. е. занимающих одну и ту же жизненную нишу. Охота хищников (или их пищевое поведение), защитно-родительское поведение имеют другую природу.

Суть насилия как такового, подавление одной витальности другой, – это решительный момент в агрессивном взаимодействии, зависящий от степеней решительности, стойкости и упорства, концентрации внимания, удержания воли. Успешность агрессии зависит именно от возможностей, внутренних резервов, которые обеспечивают именно волевое подавление противника. Известно ведь, что у большинства видов, в том числе и у человека до эпохи войн цивилизации, цель агрессии состояла не в умерщвлении или нанесении тяжких повреждений, а в определении сильнейшего и того, кто спасует, наградой чему являются более высокий статус в иерархии, самка, территория. Подавление потому редко бывает тотально физическим, оно по преимуществу психическое, эмоционально-волевое и зависимо, помимо ситуационных

¹³ Термин биолога начала XX в. Иоганнеса фон Икскюля, указывающий на то, что каждый живой вид имеет специфическую жизненную среду, сопряженную с его системой органов чувств (рецепторов) и, как мы бы добавили сегодня, с его генетической программой, являющаяся его единственно возможной и истинной вселенной, масштабом и горизонтом.

обстоятельств и прежнего опыта борьбы, прежде всего от степени жизнестойкости, потенциала витальности.

Каков характер агрессии, таков и характер насилия, фазы ее эскалации, фазы подавления. Символизация и этизация человеческой агрессии ведет и к символизации, этизации насилия. Человеческое сознание, не в пример психике животных, памятно удерживает в деталях весь свой предшествующий опыт. Эмоции ненависти, ярости, которые необходимы, мобилизуя, инструментальны для обеспечения успеха агрессии и особенно ее фазы эскалации и подавления противника, у животных скоротечны и преходящи. У человека же они приобретают долговременный характер вражды, мести, розни, фобий. Это настолько отравляет человеческую жизнь, что люди объявляют подобные проявления, а также их причины – агрессивность и насилие – не чем иным, как «злом», противостоящим любви, свободе и добру.

Итак, приведенных ранее характеристик «агрессии» и «насилия», полученных в разных дисциплинах, вполне достаточно, чтобы мы могли выстроить общую теоретическую последовательность или синтетичную модель «агрессии-насилия».

В ее основе находимы следующие постулаты или концептуализации содержания как ранее означенных подходов, так и представленных далее, в других очерках.

Во-первых, *сфера распространения* изучаемых феноменов. «Агрессия» и «насилие» – явления, обнаруживаемые достоверно пока лишь в круге земной жизни, включая человеческую цивилизацию как ее последнюю качественную стадию. Суть живого, помимо известных классических признаков (ДНК, обмен веществ, самодубликация и мутация), заключается в том, что оно представляет собой множество множеств,¹⁴ каждое из которых, в свою очередь, состоит из в общем-то схожих, но и вариативно отличных особей, объединенных общими программами поведения (этограммами). Сами эти программы постоянно воссоздаются, обновляются, реформируются в опыте жизни текущего поколения в имеющейся исторической среде обитания.

Временная развертка бесчисленного количества этих программ (и наши их реконструкции) и есть эволюция – как в онтологическом, так и в гносеологическом смысле. Развитие видов осуществляется в формате тотального естественного отбора как сочетание конкуренции и кооперации как между особями, так и между популяциями, начиная с простейших и элементарнейших уровней живого.¹⁵ Агрессия и насилие – *программы поведения, обеспечивающие наиболее решительные фазы состязательности*. Они не столь часты, но играют ключевую роль в силу того, что устанавливают на относительно длительное время «правила игры» и приоритеты в той или иной области жизни.

Во-вторых, «агрессия» и «насилие», этограммы и социокультурные паттерны, присущие разным доменам живого на планете, могут быть описаны при помощи общего категориального инвентаря:

- *факторы* детерминации агрессии-насилия;
- *домены* агрессии-насилия;
- *субъекты* агрессии-насилия;
- *паттерны* агрессии-насилия.

Итак, согласно нашему пониманию, «агрессия-насилие» суть поведенческие программы, которые являются средством реализации базовых врожденных устремлений живого (самосо-

¹⁴ Элементарной единицей живого, помимо собственно отдельной особи, является популяция, или реальное, конкретное множество особей одного вида (подвида). Некое множество популяций составляют вид (подвид), однако последние суть уже относительно абстрактные категории (ибо уже в рамках вида возникают нарастающие отличия между популяциями, особенно теми, которые удалены друг от друга). Множество видов образует еще более абстрактную категорию «живого».

¹⁵ «Исследования опухолевого роста, механизмов иммунитета, а также репарационных процессов в тканях и геноме показали существование отбора внутриклеточных популяций и на молекулярном уровне» (Колчинский Э. Эволюция эволюционных взглядов // Эксперт. 2009. № 29 (667), 27 июля -16 августа. С. 84.

хранение и размножение). Живое, как мы уже отмечали, существует только в виде большего или меньшего, но множества одинаковых особей, находящихся в формате отношений общения, состязательности-кооперации. Соответственно, этограммы «агрессии-насилия» должны существовать и быть закреплены и на видовом, и на индивидуальном уровнях, видо-специфически организуя сам формат бытия данного вида: общения, состязательности-кооперации.¹⁶ Тем и определяется *система факторов*, детерминирующих проявления «агрессии-насилия». Более подробно поговорим о них в следующем очерке, здесь же лишь обозначим их в общем виде.

Вид «присутствует» в каждой составляющей его отдельной особи специфической генетической видовой программой, в которой содержатся априори и прижизненно разворачиваются поведенческие паттерны. Прижизненное разворачивание видовой программы, индивидуализированной предшествующими поколенными мутациями, постоянно корректируется и варьируется как средовыми факторами, так и влиянием элементарного видового сообщества – популяции. Это всё и образует *пластичность физиолого-генетического фактора*.

Врожденное и благоприобретенное постоянно равновесны, пропорция их соотношения вряд ли может быть определена численно однозначно для всех видов живого. Не думаю даже, что правы те, кто уверяют о прогрессирующем снижении удельного веса врожденного в пользу благоприобретаемого у высших животных видов и особенно у человека. Передаваемых этограмм у высших животных и человека больше на порядки, и все они передаются, похоже, в какой-то мере и органически. Возможно, эта передача идет в виде крайне абстрактных схем (побуждений, настроек, характерных устремлений), и для их полного и точного воспроизведения требуется помощь расшифровки ближайшего видового окружения (популяции), которое постоянно присутствует, образуя социальную среду воспроизведения, актуализации и наладки этограмм. Полагаю, примерно это имел в виду Уилсон, говоря о культургенах. Наша человеческая культура и является эволюционным приобретением для передачи невероятно большого количества информации генно-культурным путем. И когда мы имеем дело с очевидными данными о расовой либо этнической подоплеке повышенного уровня агрессивности-насилия, речь и должна идти о генной передаче вкупе с очень сильным этнокультурным закреплением. Соответственно, умиротворению и позитивизации подлежит культурная составляющая.

Итак, мы видим, что физиолого-генетический фактор, индивидуальный по своей сути, органично «замкнут» на видовой среде (характерного общения, состязательности-сотрудничества). Это свидетельствует о *социальном факторе* детерминации «агрессии-насилия». Самоорганизация большинства сообществ живых существ зависит от многих факторов: характера добывающей активности данного вида, степени обеспеченности жизнеподдерживающими ресурсами и межвидовой конкуренцией. Более жесткие условия окружения порождают конфликтные иерархии, высокий уровень агрессии, мягкие, благоприятные условия – кооперативные иерархии и неагонистические формы состязательности. Чем сложнее имеющиеся формы социальности, т. е. у ментально и поведенчески высокоорганизованных животных видов и человека, тем неоднозначнее отношения «господства-подчинения», изощреннее арсенал агрессии и насилия.

Сама социальность, таким образом, сопряжена с *когнитивным фактором*. Рост памяти, развитие аналитических способностей, воображения и предвидения приводят к появлению сложной, пластичной психики, которая уже по-иному расставляет акценты внутри паттернов агрессивности-кооперации, насилия-аффилиации. С развитием когнитивной обеспеченности уровень насилия, посредством формирования механизмов примирения и ритуализации,

¹⁶ Равно как справедливо и обратное: сам формат общения, состязательности-кооперации определяет уровни интенсивности «агрессии-насилия» и их специфически-видовое нормирование.

уменьшается внутри кровнородственных сообществ, однако возрастает по отношению к другим сообществам своего вида.

Следующее методологическое предписание необходимо для избавления от часто встречающейся «дурной» абстрактности и организации конкретного адресования исследования. Почему-то во многих трудах их авторы не дают себе труда изначально внятно сказать, о каких и кому присущих формах агрессии-насилия идет речь. Это становится отчасти ясным лишь по мере освоения большей части материала. Таким образом, вне зависимости от степени универсалистских притязаний исследователя, ему следует четко осознавать качественную специфику *доменов* агрессии-насилия, идентифицируя в одном из них свой особый предмет рассмотрения.

Домены могут быть вычленены исходя из разных детерминационных форматов, в которых существует та или иная разновидность «агрессии-насилия». Из предыдущих категориальных форм (физиолого-генетический, социальный и когнитивный факторы), описывающих взаимоотношенности стороны активности живого, очевидно, что живые существа качественно отличны друг от друга уровнем сложности своей физиологической организации, степенью генетической программируемости своего поведения, уровнем социальной организации, вариативности своего поведения, когнитивными способностями. Вполне понятно, что характер, интенсивность, механизмы и формы агрессии-насилия также будут различными.

Итак, по критериям качественных различий в физиологии, уровню социальной организации и когнитивных способностей отчетливо выделяемы четыре домена агрессии-насилия.

Первый – это всё живое до теплокровных: рыбы, членистоногие, земноводные, пресмыкающиеся и т. п., т. е. живые организмы, совершающие видимые перемещения, уже имеющие относительно сложное поведение и живущие сообществами. Эти существа, однако, серьезно зависят от климатических и температурных параметров окружающей среды. Существенные объединяющие их признаки: большая степень генетической программируемости поведения, слабая когнитивная обеспеченность (ригидность поведения), жестко-однозначные, неперсонализированные социальные структуры. Соответственно, агрессия-насилие здесь инструментальны, анонимны, в большей части регулируются врожденными механизмами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.